

Сверхчеловек: Фр. Ницше vs А. А. Богданов

Коротышева Наталья Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ResercherID: V-2261-2018. ORCID: 0000-0002-8646-5794. E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

Аннотация. Тема человека, а значит, и «сверхчеловека» представляется ключевой в философском исследовании, особенно актуальна она сегодня, когда человечество все настойчивее вовлекается в «будущее без человека», в постгуманизм. В статье проводится сравнительный анализ взглядов на человека и его будущее немецкого мыслителя Фр. Ницше и русского философа и ученого А. А. Богданова (Малиновского) по двум направлениям: критика «неполноценности» современного человека и необходимость преодоления его ущербного состояния через переход к «сверхчеловеку» и перспективы построения будущего человеческого общества. Если в пределах первого направления убеждения обоих авторов следует признать во многом тождественными: современный человек – это человек больной, духовно раздробленный, а значит, «сверхчеловек» – это человек «цельный», здоровый; приоритет практической, «живой» мысли и презрение к «кабинетной», академической философии; выраженный интерес к проблеме человеческой телесности через тему жертвенности, крови, борьбы за жизнь; своего рода антииммортиализм в рамках проблемы смысла человеческого бытия, то в вопросах конструирования дальнейшего развития человеческой культуры два мыслителя выступают уже как антагонисты. Это обусловлено, с одной стороны, неопределенностью и образностью изложения мыслей Фр. Ницше, что повлекло за собой множество различных толкований, и ясностью и конкретностью языка ученого А. А. Богданова, а с другой стороны, и это главное, разницей между русской и европейской философскими традициями: русская, национальная философия не отдает предпочтения страданиям и злу, настаивая на возможности оправдания и спасения человека, а также увязывает будущее человека с коллективным, соборным, братским началом. Обе эти тенденции нашли свое воплощение в категориях «сораздания» и «товарищества» в философской антропологии А. А. Богданова.

Ключевые слова: сверхчеловек, Фр. Ницше, А. А. Богданов (Малиновский), антропология, русский марксизм.

В разное время и в разных культурах сверхчеловек выступает в качестве некоего символа ограниченности и несамостоятельности человека, его постоянной «недостаточности». В этом же значении он будет присутствовать как в философии Фр. Ницше (1844–1900), так и в антропологии русского мыслителя и ученого А. А. Богданова (Малиновского) (1873–1928).

Необходимо отметить, что на возможную связь между двумя этими представителями разных культурных традиций нас натолкнуло предисловие к одной из работ самого А. А. Богданова, где он в качестве эпиграфа использует цитату из «Заратустры» Фр. Ницше: «Человек – мост к сверхчеловеку» [5, с. 28], а также статья В. Д. Жукоцкого, посвященная анализу взаимоотношений между философией Фр. Ницше и русским марксизмом, в котором, по утверждению автора, «ницшеанский дискурс проявил себя со всей определенностью» [8]. При этом, уделяя внимание таким представителям русского марксизма, как Л. Троцкий, П. Струве, а также ближайшим соратникам А. А. Богданова – М. Горькому и А. Луначарскому, называя последнего «самым явным ницшеанцем из числа русских марксистов», В. Д. Жукоцкий не упоминает об Александре Богданове. Однако тот вывод, который автор формулирует в отношении прочих русских марксистов, – что они, «как и многие в русском духовном ренессансе начала XX века, были захвачены ницшеанским порывом отвержения старых и созидания новых ценностей, раскрепощающих человека в аспекте свободного художественного и философского творчества, но еще более – в аспекте творчества социального и политического» [Там же], вполне справедлив и для взглядов на человека и общество А. А. Богданова, который, равно как и другие представители русской философской мысли, тем не менее, никогда не был «ницшеанцем» в полном и строгом смысле этого слова.

Итак, известно, что Фр. Ницше рассматривает человека как эволюционный этап в становлении сверхчеловека, как «канат над пропастью, натянутый между животным и сверхчеловеком» [9, с. 9], утверждая человека не целью, а «мостом», в котором важно лишь свойство

перехода и то, что обречено в итоге на гибель. Отношение же А. А. Богданова к современному человеку следует признать еще более радикальным, потому что он отказывает в праве ему называться человеком в принципе. Время подлинного человека еще не пришло, человек только должен возникнуть в процессе его «собираания» и преодоления состояний раздробленности и специализации «авторитарно-индивидуалистического» мещанского мира. А. А. Богданов пишет: «...если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой: *Человек еще не пришел* (курсив А. Б.)» [5, с. 46]. Из этого с очевидностью следует, что оба автора крайне негативно относятся к современному состоянию человека и человеческого общества. Критика доходит до степени отказа признать за человеком права называться и считаться таковым – «червь», «обезьяна», «зверь», «мучительный позор» или некое «существо» – но не человек.

Объяснением и иллюстрацией своего рода ведущего лозунга Фр. Ницше о том, что «человек есть нечто, что должно превзойти», может служить глава «О прохождении мимо», где состоялся разговор между Заратустрой и шутком – «обезьяной Заратустры» возле ворот при входе в большой город. Характеристика городского бытия, в котором сосредоточена жизнь подавляющего большинства современных людей, в качестве «ада», «бойни» и «харчевни» для духа как нельзя более образно передает существование человека в сегодняшнем мегаполисе. Совершенно не случайно Н. А. Бердяев, рассуждая о связи философии Фр. Ницше с реальной ситуацией в милитаристской Германии в годы Первой мировой войны, констатирует: «С отворачиванием отворачивался Заратустра от современной культуры больших городов и уходил в горы. Все, что любит современная Германия – государство, промышленное преуспевание, механическую цивилизацию, нивелировку, организации масс, дисциплину масс, – все ненавистно Заратустре» [2]. Эти «города-спруты» (по Э. Верхарну) во многом и делают из человека трусливое и посредственное «домашнее животное». Удивительно, насколько мысли Фр. Ницше определяют направленность интеллектуальных поисков на Западе и согласуются с выводами уже XX и даже XXI века. Стоит вспомнить хотя бы фантазии и антиутопии О. Хаксли – «Через много лет» (1939) или «Обезьяна и сущность» (1948), а также вышедшее недавно в русском переводе исследование британского антрополога Р. Рэнгема, где он описывает процесс «одомашнивания» человека (См. Рэнгем Р. Парадокс добродетели. М., 2023).

Столь же однозначной и последовательной, хотя и гораздо менее образной и эмоциональной, выступает критика «раздробленного» и «специализированного» «человека» в рамках обывательского и метафизического опыта у А. А. Богданова. Утверждая главной целью преодоление общей предпосылки как наивной, так и философской «обывательщины», которая заключается в том, что «всякой твари предел положен есть, и его не преидеши...» [5, с. 30], автор предполагает возможность создания не столько научной, сколько интегральной концепции человека, способного к развитию, «не ограниченному никакими *безусловными* пределами» [Там же]. Проследившая историю становления человеческого общества, А. А. Богданов выделяет две главные фазы «дробления человека»: это авторитарная стадия и стадия специализации, вследствие которых «всякий *строит мир* по образу и подобию своего специального *опыта*» [5, с. 35], утрачивается возможность взаимного понимания и снижается качество общения между людьми. И когда «молот общественного антагонизма выковывает индивидуалистическое сознание» [Там же, с. 36], тогда это оборачивается состоянием конкуренции и борьбы, «войны всех против всех». Итак, формула, следующая: если современный человек – это больной человек, значит, сверхчеловек – это есть человек здоровый. При этом нездоровье, болезненность, слабость современного человека принимают у Фр. Ницше гротескные, уродливые формы. Так Заратустра рассуждает о «калеках наизнанку» – о людях, «которым недостает всего, кроме избытка их, – о людях, которые не что иное, как один большой глаз, или один большой рот, или одно большое брюхо, или вообще одно что-нибудь большое». И далее: ««Это – ухо! Ухо величиною с человека!» [9, с. 100] Таким образом, «болезнь» современного человека, его неполноценность заключается в отсутствии целостности, потому что современные люди – это «люди-обломки». А значит, будущее человека возможно лишь на пути интеграции разрозненных частей в единое целое – в человека как целое, или в сверхчеловека. «Я хожу среди людей, как среди обломков будущего, – того будущего, что вижу я» [Там же].

Об этом же пишет и А. А. Богданов, называя современного человека человеком «раздробленным». Более того, для иллюстрации этого состояния раздробленности, а значит, ущербности он использует ту же самую органическую метафору, сравнивая человека с отдельными частями единого организма: «Что я такое? – разве это не самый естественный вопрос для какого-нибудь пальца руки, оторванного от тела? Зачем я? откуда? – как не спраши-

вать об этом живой части, потерявшей связи со своим жизненным целым? там где происходит разрыв живой ткани, отделяющий орган от тела, там чувствуется мучительная непонятная боль; – и вот вопросы о зле жизни» [5, с. 38]. И, равно как и Фр. Ницше, А. А. Богданов видит будущее через необходимую реализацию потребности человека стать «полноценным» в ходе процесса «собираения человека».

В связи с вышесказанным еще одним важным аспектом представлений о сверхчеловеке у обоих авторов выступает выраженный интерес к человеческой телесности, к проблеме не только ментального здоровья и сознательной целостности бытия, но и важности здоровья физического. Для А. А. Богданова, который получил высшее медицинское образование и долгие годы практиковал в качестве действующего врача, это вполне предсказуемое и естественное поле деятельности, где он достиг невероятных успехов, проводя успешные эксперименты в области гемотрансфузиологии (обменные переливания крови). И в этой деятельности, в невероятной трудоспособности А. А. Богданова (более 200 томов трудов) последовательно воплощается главный принцип русской философии – это синтез мысли и практики, когда «сама жизнь становится философией» [5, с. 40].

Однако в этом же ключе многие исследователи рассматривают и творчество Фр. Ницше, определяя его как «философа-бунтаря». Действительно, невозможно рассматривать последнего как продолжателя европейской академической философии, представителей которой он обличает как «читающих бездельников», а в качестве преамбулы к одной из своих работ использует слова Гёте: «Мне, во всяком случае, ненавистно все, что только поучает меня, не расширяя и непосредственно не оживляя моей деятельности» [10, с. 158]. Этой увлеченностью практической стороной мысли можно объяснить невероятный интерес немецкого философа к проблеме телесности, физического здоровья, а также борьбы и смерти, в том числе и на войне. В одной из глав Заратустра обращается к «презирающим тело»: «Тело – это большой разум, множество с одним сознанием, война и мир, стадо и пастырь... Орудием и игрушкой являются чувство и ум: за ними лежит еще Само... Оно господствует и является даже господином над Я» [9, с. 24].

Насколько презирает Фр. Ницше «кабинетных» ученых и философов, читателей, настолько же воспеваает мужество и отдает дань уважения воинам: «Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью – и ты узнаешь, что кровь есть дух» [Там же, с. 28], потому что только «благо войны освящает всякую цель» [Там же, с. 34]. Говоря о нравственном оправдании и величии войны, Фр. Ницше во многом вторит рассуждениям Ф. М. Достоевского в очерке «Парадоксалист» («Дневник писателя» за 1976 год) о «пользе» войны как возможности реализовать высший смысл человеческой жизни.

Тема войны, крови, жертвенности всегда сопряжена с темами смерти и смысла человеческого существования. И в этом отношении представляется необходимым обратить внимание на совпадение взглядов Фр. Ницше и А. А. Богданова в отношении к проблеме человеческого бессмертия. Их позицию можно обозначить как своего рода антииммортиализм. В одной небольшой главе «Книги для всех и ни для кого» Заратустра обличает «проповедников смерти», которые делают свое дело, формируя «отвращение» к жизни: «Сладострастие есть грех – так говорят проповедующие смерть, – дайте нам идти стороною и не рожать детей!» «Трудно рожать, – говорят другие, – к чему еще рожать? Рождаются лишь несчастные!» И они также проповедники смерти. «Нам нужна жалость, – так говорят третьи. – Возьмите, что есть у меня! Возьмите меня самого! Тем меньше я буду связан с жизнью!» [Там же, с. 33]. В качестве последствий подобного рода рассуждений выступает «усталость от жизни», меланхолия или тоска, которой страдали многие интеллектуалы ХХ века, люди искусства, а в ХХI веке уже «новая меланхолия» или усталость быть человеком [7]. В целом Фр. Ницше устанавливает тождество между проповедью смерти и проповедью вечной жизни: «Если бы вы больше верили в жизнь, вы бы меньше отдавались мгновению... Всюду раздается голос тех, кто проповедует смерть; или “вечную жизнь” – мне все равно» [9, с. 33]. Другими словами, обещания бессмертия или вечной жизни, по сути, совершенно ничем не отличаются от проповеди смерти, ибо и там и там отсутствует момент смысла человеческого бытия. А если жизнь бессмысленна, то к чему ей длиться вечно, ибо она есть «вечное возвращение», повтор.

В этом же ключе выстраивает свои рассуждения и А. А. Богданов. Своего рода литературным памятником антииммортиализма может служить его небольшой рассказ «Праздник бессмертия» (1914), где главный герой, химик Фриде, изобрел лекарство для вечной жизни, и люди на Земле перестали умирать. Казалось бы, для человека наступило долгожданное светлое будущее без страданий и смерти, однако для гениального ученого это состояние бесконечной длительности оборачивается невыносимой мукой и ужасом перед страшным одиночеством, о котором понятия не имели раньше, ибо, обретя бессмертие, человек «превратился

в автомат, который с точностью часового механизма повторяет самого себя» [4, с. 366]. В итоге Фриде пишет завещание и принимает смерть на костре, ибо «только смерть может положить конец страданиям духа!..» [Там же, с. 367]. Таким образом, А. А. Богданов со всей силой своего таланта утверждает антропологический парадокс, который заключается в том, что смысл и значение человеческой жизни придается ее ограниченностью, то есть смертью.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в «негативном» моменте, предполагающем острую критику существующего человека и современной цивилизации за их ущербность, фальшивость, отчужденность от истинной жизни, взгляды Фр. Ницше как немецкого «философа борьбы» и А. А. Богданова как русского философа-марксиста предельно сходятся; с той разницей, как замечает В. В. Библихин, «что у Ницше было интеллектуальной провокацией – нигилизмом, волей к власти, – то стало знаменем революционного активизма» [3, с. 74] здесь у нас, в России.

Что касается «позитивного» момента, заключающегося в попытках конструирования определенного образа сверхчеловека, а значит, и будущего человеческой культуры, то здесь уже проявляются предельные расхождения между Фр. Ницше и А. А. Богдановым, которые определяются как в целом разницей между культурными традициями, так и противоречиями в области европейской и русской философии.

Прежде всего, у Фр. Ницше, в отличие от А. А. Богданова, представления о сверхчеловеке и будущем выступают совершенно противоречивыми и неопределенными. «Ницше обнаруживает совершенную ясность и уверенность, как только речь заходит о том, что должно быть сокрушено и что переоценено; напротив, он теряется в туманных общих местах, как только приходится говорить о “для чего”, о цели. Его критика декаданса неопровержима, его учение о сверхчеловеке – сплошной мираж», пишет О. Шпенглер [14, с. 552]. Действительно, количество толкований и интерпретаций сверхчеловека Фр. Ницше чрезвычайно велико: от предельно вульгарных, вырождающихся довольно быстро в упрощенные стереотипы «ницшеанства» и социального дарвинизма с призывами «подтолкнуть падающего», культом наживы и силы и т. д. до серьезного метафизического анализа «сверхчеловека» у М. Хайдеггера: «Сверхчеловек, в буквальном смысле слова, есть скорее тот, кто превосходит прежнего человека единственно для того, чтобы прежде всего привести донине существующего человека к его еще не осуществленной сущности и прочно установить его в ней» [13].

Однако за внешней неопределенностью и стилевыми различиями скрываются и принципиальные противоречия в области этики и философской антропологии между двумя культурными традициями – русской и европейской. Дело в том, что если провести анализ отношения к Фр. Ницше со стороны ведущих представителей русской философии, то оно будет двояким: с одной стороны, это восхищение русских марксистов в рамках бунтарства и требований пересмотра прошлых ценностей, как об этом было сказано выше. Однако, не только они, но и, например, Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен в свое время во многом предвосхитили как раз антропологические и этические искания немецкого мыслителя. С другой же стороны, это очевидный акцент на выявление отрицательного содержания в философии Фр. Ницше. Например, В. Соловьев пишет об этом так: «Дурная сторона ницшеанства бросается в глаза. Презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе заранее какого-то исключительного сверхчеловеческого значения – во-первых, себе единолично, а потом, себе коллективно, как избранному меньшинству “лучших”, т. е. более сильных, более одаренных, властительных, или “господских”, натур, которым всем позволено, так как их воля есть верховный закон для остальных, – вот очевидное заблуждение ницшеанства» [11, с. 628]. Однозначно негативное отношение к Фр. Ницше выражает и Н. Ф. Федоров, называя немецкого бунтаря «философом Черного царства» и фиксируя при этом противоречивость его воззрений даже через название своей статьи «Сверхчеловечество как порок и как добродетель», где среди прочего говорится о том, что «философы – законодатели и повелители; в лице их Ницше возводит произвол из злоупотреблений в принцип, в правомочие, и ставит произвол индивидуума на место эволюции... Но это не коллективный генезис, а субъективный, индивидуалистический» [12, с. 555]. И далее: «Сверхчеловечество может быть и величайшим пороком, и величайшею добродетелью. Оно безусловный порок сатанинского происхождения, когда состоит в превозношении одного или нескольких лиц над себе подобными, то есть над отцами и братьями... Но сверхчеловечество есть и величайшая добродетель, когда оно состоит в исполнении естественного долга разумных существ в их совокупности, в обращении слепой, неразумной силы природы, стихийно рождающей и умерщвляющей, в управляемую разумом» [Там же, с. 557].

Таким образом, в русской философской традиции проявляются, по крайней мере, две важные тенденции, которые формируют антитезу и альтернативу развития как философии Фр. Ницше, так и всей западной мысли в принципе: в области этики – русские мыслители (в отличие от Фр. Ницше, который совершенно ясно и определенно заявляет о том, что, смотря в зеркало, он видит в нем не свое отражение, а «рожу дьявола» [9, с. 58]) не отдают предпочтения страданиям и злу, а в области антропологии – связывают будущее человека не с индивидуальным моральным творчеством и эгоистичными волевыми стремлениями, а с коллективным, народным, братским началом (в то время как на Западе народ превращается в массы и «молчаливое большинство»). Эти коренные отличия Н. А. Бердяев выразил через отсутствие у русских людей «пафоса горного восхождения», ибо они «боятся одиночества, покинутости, холода, ищут тепла коллективной народной жизни» [1, с. 174].

Обе эти тенденции в полной мере находят свое воплощение и у А. А. Богданова через категории «сорадования» и «товарищества». Следуя диалектической логике, Богданов считает, что «дробление человека» и процессы специализации порождают не только «неполноту жизни» и «разорванность мира», но и реальные жизненные противоречия, через разрешение которых осуществляется развитие на пути «собираания» человека [5, с. 39]. Одновременно А. А. Богданов постулирует человеческую потребность «быть целым» в качестве абсолютной, что соответствует стремлению к жизненной гармонии как в самом человеке, так и в окружающей действительности. На этом пути, посредством общности опыта и расширения круга общения, возникают те или иные «формы собираяния человека» – экономические (трудовые коллективы), политические идейные союзы, товарищеские кружки и т. д. В рамках этих форм сотрудничества главным моментом выступает тот, что частные цели отдельных лиц определяются общим делом. А. А. Богданов пишет: «Сущность товарищеской организации заключается в единстве цели, свободно, без всякого принуждения поставленной себе людьми и выходящей за пределы личных интересов каждого из них» [6, с. 68]. Преодоление возможных конфликтов, господства личных связей и индивидуалистической психологии внутри кружка возможно, по А. А. Богданову, только через сознательное развитие в себе свободного чувства товарищества, а также симпатии, «основанной на сотрудничестве», на достижении общей цели. Эта симпатия выходит далеко за рамки отношений дружеских и половых. Автор поясняет это так: «...по своему типу она (товарищеская симпатия) более совершенна в том смысле, что гораздо менее чувствительна к случайностям жизни, гораздо менее болезненна при неизбежных жизненных крушениях». «В ней преобладает не сострадание, а *сорадование*» [Там же, с. 69]. Итак, по существу, собираяние человека происходит в процессе безграничного расширения и совершенствования товарищеских форм сознательного сотрудничества.

В итоге, как полагает А. А. Богданов, в будущем может быть достигнуто полное взаимопонимание между людьми, когда исчезнут не только конкуренция и прямая борьба, но и самое простое соревнование, так как изживание индивидуалистических чувств, противопоставляющих одного человека другому, ведет к гармоничному обществу «цельных» личностей, объединенных общим делом – преобразованием природы. В целом, несмотря на идеологическую подоплеку и своего рода «наивность» философских рассуждений А. А. Богданова, его взгляд на человека и его будущее вполне укладывается в традицию как русской философской мысли, так и жанра отечественной фантастической литературы, где доминантой выступает антропологический оптимизм и возможность «спасения» человека, и равно противоречит центральному лозунгу философии Фр. Ницше: «Опять я один и хочу им быть» [9, с. 114], индивидуализм которого обернулся не только личной трагедией немецкого философа, но и так называемым «пустодушием» (по А. Платонову) всей западной культуры.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского. Прага, 1923.
2. Бердяев Н. А. Ницше и современная Германия // Биржевые ведомости. 1915. № 14650. 4 февр.
3. Библихин В. В. Толкование сновидений // Юность. 1992. № 3.
4. Богданов А. А. Праздник бессмертия: избранные произведения. СПб., 2014.
5. Богданов А. А. Собираение человека // Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990.
6. Богданов А. А. Цели и нормы жизни // Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990.
7. Варава В. В. Новая меланхолия (экзистенциальные трансформации современной культуры) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 5 (103). С. 23–34.
8. Жукоцкий В. Д. Ницшеанство и марксизм: русский синтез. URL: <https://nietzsche.ru/arond/russia/zykonsky/>.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2. М., 1996.
10. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. М., 1996.

11. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1988.
12. Федоров Н. Ф. Сочинения / общ. ред. А. В. Гулыга. М. : Мысль, 1982.
13. Хайдеггер М. Кто такой Заратустра у Ницше? // Топос. М., 2000. № 1. С. 50–65.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. Т. 1. М., 1998.

The Superhuman: Friedrich Nietzsche vs. Alexander Bogdanov

Korotysheva Natalia Nikolaevna

PhD in Philosophy, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ResearcherID: V-2261-2018. ORCID: 0000-0002-8646-5794.

E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

Abstract. The theme of the human, and consequently of the "superhuman," appears to be key in philosophical research, and it is especially relevant today, as humanity is being increasingly drawn into a "future without the human," into posthumanism. This article provides a comparative analysis of the views on the human and its future by the German thinker Friedrich Nietzsche and the Russian philosopher and scientist A. A. Bogdanov (Malinovsky) along two lines: the critique of the "inferiority" of modern humans and the necessity of overcoming their flawed condition through a transition to the "superhuman," and the prospects for building a future human society. While within the first line of inquiry the beliefs of both authors can be considered largely identical: the modern human is sick, spiritually fragmented, and therefore the "superhuman" is a "whole," healthy human; the priority of practical, "living" thought and contempt for "armchair," academic philosophy; a pronounced interest in the problem of human corporeality through the themes of sacrifice, blood, and the struggle for life; a kind of anti-immortalism within the problem of the meaning of human existence then in matters of constructing the further development of human culture, the two thinkers act as antagonists. This is due, on the one hand, to the uncertainty and imagery of Friedrich Nietzsche's exposition, which led to numerous varied interpretations, versus the clarity and specificity of the language of the scientist A. A. Bogdanov, and on the other hand, and this is the main point, the difference between the Russian and European philosophical traditions: Russian, national philosophy does not favor suffering and evil, insisting on the possibility of human justification and salvation, and also links the future of the human with a collective, conciliar, fraternal principle. Both these tendencies found their embodiment in the categories of "co-joy" and "comradship" in the philosophical anthropology of the socialist A. A. Bogdanov.

Keywords: superhuman, Friedrich Nietzsche, A. A. Bogdanov (Malinovsky), anthropology, Russian Marxism.

References

1. Berdyayev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [The Worldview of Dostoevsky]. Prague, 1923.
2. Berdyayev N. A. *Nitsche i sovremennaya Germaniya* [Nietzsche and Modern Germany]. *Birzhevye Vedomosti* – Stock exchange statements. 1915, No. 14650. Feb. 4.
3. Bibikhin V. V. *Tolkovanie snovidanii* [The Interpretation of Dreams]. *Yunost'* – Youth, 1992. No. 3.
4. Bogdanov A. A. *Prazdnik bessmertiya: Izbrannye proizvedeniya* [The Festival of Immortality: Selected Works]. SPb., 2014.
5. Bogdanov A. A. *Sobiranie cheloveka* [The Gathering of Man] // *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* – Questions of Socialism: Works of Different Years. M., 1990.
6. Bogdanov A. A. *Tseli i normy zhizni* [The Goals and Norms of Life] // *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* – Questions of Socialism: Works of Different Years. M., 1990.
7. Varava V. V. *Novaya melanholiya (ekzistentsial'nye transformatsii sovremennoi kul'tury)* [The New Melancholy (Existential Transformations of Modern Culture)] // *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv* – Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2021. No. 5 (103). Pp. 23–34.
8. Zhukotsky V. D. *Nitssheanstvo i marksizm: russkii sintez* [Nietzscheanism and Marxism: A Russian Synthesis]. Available at: <https://nietzsche.ru/around/russia/zykonksky/>.
9. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra] // *Collected works* : in 2 vols. Vol. 2. M., 1996.
10. Nietzsche F. *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni* [On the Use and Abuse of History for Life] // *Collected works* : in 2 vols. Vol. 1. M., 1996.
11. Solovyov V. S. *Sochineniya* : v 2-kh tomakh. T. 2 [Works : in 2 vols. Vol. 2]. M., 1988.
12. Fedorov N. F. *Sochineniya* [Works] / ed. by A. V. Gulyga. Mysl (Thought), 1982.
13. Heidegger M. *Kto takoi Zaratustra u Nitsche?* [Who is Nietzsche's Zarathustra?] // *Topos*. M., 2000. No. 1. Pp. 50–65.
14. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [The Decline of the West. Outlines of a Morphology of World History]. In 2 vols. Vol. 1. M., 1998.

Поступила в редакцию: 07.10.2025

Принята к публикации: 18.11.2025